тельность, непреложность, неприязненность, непроницательность (ЛВ), неразделимость (Нрд.), неразрушимость, нерешительность, неробость, несвойственность, несообразность (*несообразный* встречается лишь в 1796 г. у Политковского), нетвердость (ЛП), нетрепетность, оберегательность, осязательность, отраженность, первобытность, плавность, плодоносность, повсеместность, подножность, подражательность, последственность, постепенность («О человеке...», одновременно у Карамзина), посредственность (ВЛ), прелестность, присносущность (ЛП), притяжательность, работливость, разделимость, раздраженность, раздражительность, раздумчивость, распускность (обычный вариант *распустность* «распущенность»), расширенность, скаредность (Русско-голландский лексикон 1717 г.), смертоносность, смрадность (ЛП), смутность (смута, волнение, мятеж), содрогательность (ср. в «Тилемахиде», т. I, с. 119 — *содрогательство*), соединенность, сожалительность, соседственность, тяжественность, убедительность, уравненность, утлость.

Как видно, в этом списке среди слов, вызванных к жизни лишь затем, чтобы выразить ту или иную мысль и исчезнуть, так называемых окказионализмов, есть слова, получившие долгую и богатую историю. Обилие образований на *-ость* связано с отвлеченно-интеллектуальным содержанием сочинений Радищева, особенно богато ими рассуждение «О человеке...».[17]

Вообще неология была в духе эпохи, в книжном языке того времени «развертывается словотворческое экспериментаторство, нередко безудержная страсть к неологии как по живым и активным словообразовательным моделям, так и по архаизированным типам словообразования».[18] Неологизмы были у каждого писателя, так что возникла парадоксальная ситуация, когда стремление к новшеству, творение новшеств стало обычаем, рутиной.

Модель на *-ость* принадлежала в XVIII в. к активным словообразовательным моделям. Среди неологизмов-композитов, по наблюдениям В. В. Виноградова,[19] у Радищева есть слова, созданные по немецким образцам: *самонедоверие*, *самоодобрение*,[20] *бредоумствование*, *времяточие*,[21] *глазоврачеватель*,[22] *чиносостоя-*

---

[17] Ср.:«...*мысленность* человеку сосущественна <...> она его составляет *особенность* <...> *склонности* наши производят *деятельность* необъятную и, яко понятия, *чувственностию* принятые, претворяются в мысли, тако и *склонности*, в душе преобразовавшись и получив всю свою *расширенность*, становятся добродетели или пороки <...> Поелику в силах душевных является *беспредельность*, и *ограниченность* ее происходит от ее *телесности*, то, отрешенная от нее, она в *деятельности* своей будет свободнее» (II, 136).

[18] *Сорокин Ю. С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 22.

[19] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 146.

[20] В. В. Виноградов приводит примеры только из «Путешествия». В других сочинениях Радищева встречается также *самолюбление*, *самоневедение*, *саморастление*, *самоплодороднейший*.

[21] Другие подобные неологизмы: *телосмертие*, *умообразие*, *духокружие* (атмосфера).

[22] Ср. также *скотоводитель*. Впрочем, и *скотовод*, *скотоводный* впервые встречаются у Радищева («Повесть о приобретении Сибири»). *Скотоводец* употреблено в «Тилемахиде», *скотоводство* — в «Ежемесячных сочинениях за 1755 г.», *скотоводственный* — у С. Десницкого.